

В. А. Корочкина

ГОСУДАРСТВО В ПУТИ

институциональное строительство Палестины
или политическая афера

Виктория Корочкина

**Государство в пути.
Институциональное
строительство Палестины
или политическая афера**

«Фонд развития конфликтологии»

2016

УДК 32
ББК 66.3

Корочкина В. А.

Государство в пути. Институциональное строительство Палестины или политическая афера / В. А. Корочкина — «Фонд развития конфликтологии», 2016

ISBN 978-5-9907824-1-9

В монографии, исходя из обострения в современном мире проблемы «несостоявшихся» государств, рассматривается процесс образования государств на Западе и в регионе Ближнего и Среднего Востока. Предлагается на основе изложенного материала исследовать тему обоснованности претензий палестинцев на независимое государство. С этой целью рассматривается становление высших палестинских исполнительных и представительных органов власти в сложных исторических условиях. Дается политический анализ процесса институционализации самобытной палестинской политической системы, особенностей палестинского политического устройства, рассматриваются возможные сценарии развития создаваемого независимого государства. Исследование представляет интерес для политологов и специалистов-международников, а также для всех изучающих историю и современные политические процессы в Ближневосточном регионе, Израиле и Палестине.

УДК 32
ББК 66.3

ISBN 978-5-9907824-1-9

© Корочкина В. А., 2016

© Фонд развития
конфликтологии, 2016

Содержание

Введение	7
Глава 1	12
1.1. Государства западные: политическая мысль и практика	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктория Анатольевна Корочкина
Государство в пути: институциональное
строительство Палестины
или политическая афера

© Корочкина В. А., 2016

© Фонд развития конфликтологии, 2016

Введение

В современном нам мире проблема «несостоявшихся» («провалившихся», «слабых», «непризнанных» и пр.) государств, значительная часть территорий которых не контролируется центральными органами управления, имеет тенденцию к обострению. Неинституционализированные государства (даже будучи частично признанными) являются, как правило, временными (на пару лет) образованиями. Однако неконтролируемые территории таких государств успевают оказаться под влиянием террористических группировок, что дестабилизирует ситуацию не только в определенном регионе. Анализ же причин появления таких государств фактически остается за скобками рассмотрения политологов и специалистов в сфере международных отношений в незападном мире.

Из «арабского региона», в котором формирование национальных государств было сопряжено с региональной и исторической спецификой, рядом определенных сложностей, в частности ирредентистскими движениями, Палестина или Палестинская национальная автономия (ПНА)¹ выделяется в исключительный по важности случай, не только регионального, но и мирового масштаба.

Будучи частично непризнанной, Палестина является не первым и не последним государством, проходящим в своем развитии сложный этап непризнания, одновременно выступая в качестве активного игрока региональных и международных отношений, оказывающим влияние на процессы мировой политики, учитывая постоянное взаимодействие руководства ПНА с ведущими национальными государствами и международным сообществом в целом.

Палестина входит в состав Лиги Арабских Государств, Организации Исламского сотрудничества и официально признана 135 государствами-членами ООН. Этого было бы достаточно для того, чтобы стать полноправным членом ООН (так как это более 2/3 государств из 193 членов ООН, по условиям организации необходимых для поддержки при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН). Однако Палестина довольствуется лишь статусом государства-наблюдателя из-за непризнания такими постоянными членами Совета Безопасности ООН, как США, Великобритания и Франция. При этом сама ООН неустанно в своих резолюциях заявляет о «реализации неотъемлемых прав палестинского народа, включая право на самоопределение; урегулирование путем переговоров палестино-израильского конфликта во всех аспектах, влекущее за собой прекращение израильской оккупации и независимость суверенного, жизнеспособного, сопредельного и демократического Палестинского Государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме; справедливое решение проблемы палестинских беженцев на основе резолюции ГА ООН 194 (III) и пр. резолюций. Строительство Израилем поселений называется не иначе как «не законное», звучит призыв к облегчению экономических потерь палестинской стороны от израильской оккупации, препятствующей развитию Палестины. «Международное сообщество» периодически высказывается за принятие мер

¹ Существует несколько вариантов названия палестинского образования, появившегося в результате соглашений, достигнутых в столице Норвегии Осло: «Палестинская автономия» (ПА), «Палестинская национальная автономия», «Палестинская национальная администрация» (ПНА), Аль-Сульт аль-уватанийя – палестинское название ПНА. В израильском политическом дискурсе используется название «Арабская автономия» и «бывшая автономия». После того как ООН признала Палестину государством – наблюдателем ООН, не являющимся членом организации, Махмуд Аббас издал приказ от 08.01.2013 о переименовании ПНА в «Государство Палестина». В данной работе автор использует наименование «Палестинская национальная автономия», а также «Палестина» в качестве понятий, подразумевающих территориальную единицу, в рамках которой рассматривается функционирование палестинских политических институтов, именуемых «Палестинской национальной администрацией» (Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtu-allibrary.org/jsource/glossP.html> (дата обращения: 05.07.2013); General Assembly GA/11317. 2012. 29 November; <http://www.un.org/News/Press/docs/2012/ga11317.doc.htm> (дата обращения: 04.07.2013); Presidential Decree Orders Using «State of Palestine» on all Documents. Wafa Palestinian News & Info Agency. 2013. January 8; <http://www.wafa.ps/english/index.php?action=detail&id=21470> (дата обращения: 04.07.2013)).

к освобождению палестинских заключенных и пресечению противоправных действий со стороны Израиля, включая административные задержания².

Дистанцировавшись, насколько это возможно, от набора стандартных предвзятых риторик, присущих как израильской, так и палестинской стороне, еще раз зададимся вопросом: имеют ли палестинцы (или – в израильской трактовке – «арабы территорий») основания для своего обособления от арабской нации в качестве отдельного народа? Иными словами, суверенны ли палестинцы³? Ведь только народ, будучи суверенным, обладает правом на свободу выбора общественного строя, на тот или иной тип экономического развития, господствующее мировоззрение и даже формулирование своих критериев добра и зла.

Имеют ли палестинцы отличный от всей арабской нации исторический опыт? Если нет, то претензии на право жить в своем независимом государстве теряют основополагающий аргумент. В таком случае разговор о государственности в принципе теряет смысл, так как независимое государство может возникнуть только на основе суверенности народа.

Если же «арабы Палестины» имели как минимум эксклюзивный исторический опыт, то в чем тогда его специфика, и каким образом она оказывает влияние на политический и институциональный процесс в Палестине сегодня?

Поэтому помимо идеи сопоставления исторических условий образования государств, в том числе «несостоявшихся» как на западе, так и в Ближневосточном регионе, ставится задача анализа случая Палестины как «особого кейса» в арабском мире. Не случайно исследование институционализации политической системы Палестинского «государства в пути» является предметом пристального научного внимания политологов, специалистов-международников не только в арабском мире. На то имеются веские причины.

Во-первых, мотивы отказа палестинцам в праве на государство опираются на конкретную доказательную базу, точно так же как приводятся убедительные аргументы в пользу обоснованности требований создания Палестинского государства. Вспомним, что еще до Сионистского конгресса в Базеле (1897 г.) Теодор Герцль писал, что «сионизм – это еврейский народ в пути». Со временем в сионистском движении эта формула была перефразирована: «сионизм – это еврейское государство в пути»⁴. И если на современном этапе Государство Израиль представляет собой скорее «сионизм в пути» (поскольку его сутью является еще не заверщенное возвращение в Сион), то такие сионистские лозунги, как «народу без страны нужна страна без народа» и «государство в пути», заимствованы палестинскими идеологами у их визави. Тем более что их коллеги от современного сионизма относятся к государству как к ключевому фактору в жизни евреев, имеющих будущее в качестве народа исключительно с Израилем. Даже сабров (уроженцев Израиля), которые уехали из страны, зачастую отличает крайне высокая степень именно гражданского национализма, передаваемого следующим поколениям. Затем уже иврит, иудейские традиции и военная служба дополняют их именно израильскую идентичность⁵. При этом среди палестинских визави есть те, которые считают территорию в принципе необязательным элементом государства. Тем самым они вносят посильный вклад в проект создания Палестинского государства⁶. Ведь в соответствии с международным правом терри-

² Report of the Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People: General Assembly. Official Records. Sixty-seventh Session. Supplement No. 35. United Nations. New York, 2012. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/67/35 (дата обращения: 11.01.2016).

³ Под суверенностью, которой может обладать только народ (т. е. являться источником власти), мы будем понимать самоидентификацию народа; осознание собственной неповторимости и индивидуальности; ощущение единения в культуре, традициях и обычаях; общность исторической судьбы; осознание определенного места в истории.

⁴ Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977.

⁵ Саюян Д., Эшштейн А. Д. Новые «постсионистские» диаспоры: израильтяне в зарубежных странах // «Диаспоры». 2006. № 1. С. 200–223. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit05.php> (дата обращения: 04.01.2016).

⁶ Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. чл. – кор. РАН, проф. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Ф. М. Энтина. М., 2008. С. 1023.

тория Израиля также не определена, а резолюция ООН от 29 ноября 1947 г. – единственный международный документ, фиксирующий границы государства. В последующие годы постепенно складывалась суверенная территория за счет оккупации (оккупированные территории в Израиле предпочитают называть «спорными»), которую уже в свою очередь признавали / не признавали в мире. Спорность израильских и палестинских границ – основной дестабилизирующий фактор в регионе.

Во-вторых, современный этап институционализации ПНА сопряжен со следующей дилеммой: какая политическая сила сможет объединить палестинское общество и под чьим руководством окажется первое в мировой истории независимое государство Палестина? Справится ли с этой задачей исламистское движение или в Секторе Газы восстановят власть «светские националисты» (Организация освобождения Палестины – ФАТХ)⁷? От этого зависит не только вектор развития потенциально независимого Палестинского государства, но и дальнейший ход политического процесса в регионе.

Тут же напрашивается еще один вопрос. Будет ли создаваемая Палестина представлять собой «фасадный» республиканско-президентский строй с исламистским содержанием; «светскую» президентскую республику авторитарного характера; парламентскую демократию, основанную на политическом и партийном плюрализме с полноценно функционирующим Палестинским национальным советом (ПНС), представляющим весь спектр палестинского сообщества, или Палестинским законодательным советом (ПЗС) – попыткой представительства палестинцев лишь с Западного берега реки Иордан и Сектора Газы? Может быть, будут реализованы иные варианты и в иных территориальных границах?

В конце концов, у вопроса о палестинской государственности имеется временной лимит – 2050 г., когда по прогнозам палестинцы по численности в полтора раза превысят еврейское население Израиля⁸.

Поставленные вопросы приводят к размышлениям об исламской идее власти, вставшей сегодня в регионе Ближнего и Среднего Востока в один ряд с насущными вопросами практической политики⁹. Тем более что в Декларации независимости от 1988 г. палестинцы обозначены как «целостная и неделимая часть арабской нации, имеющая единое с этой нацией наследие и цивилизацию, а также общее стремление к освобождению, прогрессу, демократии и единству»¹⁰.

Палестина вряд ли вписывается в рамки такого понятия как «демократическое государство» в его общепризнанном на Западе смысле. Добавим еще такие черты палестинского общества, как патримониализм, племенные отношения, проблема реального обеспечения основных прав и свобод граждан, особое значение ислама для части общества и шариата как важной составляющей политико-правовой системы, что уже затрудняет, если не исключает, реализацию прав немусульман. Ситуация обострилась в связи с кризисом «светских идеологий» (прежде всего коммунизма и западного либерализма). С новой силой происходило обращение большей части палестинского общества к более близким ей по духу, менталитету, религиозным ценностям¹¹. Это привело к реконфессииализации общества, «пробужде-

⁷ Организация освобождения Палестины (ООП) объединяет большинство организаций Палестинского движения сопротивления, ведущих борьбу за обеспечение прав арабского народа. В 1974 г. ООП была признана «единственным законным представителем всего арабского народа Палестины», включая палестинцев, проживающих в диаспоре и на территории Израиля.

⁸ К середине века палестинцев станет больше, чем израильтян. URL: <http://www.isra.com/news/36799> (дата обращения: 02.04.2016).

⁹ Хачим Ф. И. Исламские концепции государственной власти. М.: Изд-во РУДН, 1999. С. 3.

¹⁰ Декларация независимости Палестины 1988 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/714> (дата обращения: 01.03.2012).

¹¹ Федорченко А. В., Крылова А. В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов // Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. Вып. 3 (33). 2012. Апрель. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y04_2012/223399/

нию» ислама, который стал важной характеристикой палестинского политического процесса за последние несколько десятилетий. Мы стали свидетелями возвышения ХАМАС и падения популярности ФАТХ. При этом нельзя отрицать того факта, что Палестина приобрела, может быть и минимальный, но бесспорный «демократический» опыт, который позволяет говорить о потенциале развития принципа разделения властей, парламентаризма, политических свобод.

В процессе структурной и политической институционализации ПНА прошла несколько этапов, имеющих различный идеологический оттенок. Первые парламентские и президентские выборы 1996 г. оказались успешными для «светских националистов». Уже через десять лет, на парламентских выборах 2006 г. победу одержало «Исламское движение сопротивления». В результате властные полномочия разделились между ФАТХ и ХАМАС. С 2007 г. вплоть до настоящего времени безуспешно велись переговоры, правительство национального единства так и не сформировано, ситуация на данный момент тупиковая, а о создании государства если и говорят, то в неопределенно будущем времени.

На фоне этого не утихают спекуляции по поводу того, являются ли палестинцы народом или лишь частью арабского мира, по злому умыслу оказавшейся на еврейской территории, а также не прекращаются дискуссии с обеих сторон о наличии или отсутствии прав евреев или палестинцев на государственное существование на одной и той же территории. Как правило, все это является не чем иным, как эмоциональными, надуманными, виртуозными инсинуациями, использованием в пользу своих убеждений подлинных или околоподлинных исторических фактов, приправленных цитатами из Библии.

Проблема же в столь затянувшемся процессе рождения Палестины как государства видится вовсе не в подобного рода теоретических ухищрениях. Она скорее заключается в том, что как со стороны Палестины, так и со стороны Израиля властные элиты упираются в один и тот же тупик. Рациональный подход к взаимоотношениям с Израилем, или «уступки», немедленно влекут за собой проблемы для палестинского лидера со стороны своих «экстремистов», тогда как решение палестинского вопроса создает не меньше проблем правящей коалиции или конкретному премьер-министру в Израиле от своих воинствующих правых радикалов.

Арафат являлся тем авторитетным политиком, который мог реально позволить себе вести переговоры с евреями и даже заключить с ними мир. Но нет Арафата – нет необходимости садиться с палестинцами за стол переговоров и затем мучительно искать пути соглашения внутри разнородного израильского политического истеблишмента. Пока в Палестине не появится новый Арафат, а в Израиле – Рабин, установление мира под большим вопросом. Обе исторические личности ушли в историю неестественным образом¹². В результате на Святой Земле происходит то, что происходит. С 2007 г. ХАМАС стал идеальным «пугалом», прикрывающим сопротивление достижению какой-либо договоренности с палестинцами. При этом исламисты оправдывают все надежды Израиля, осуществляя антипалестинскую, проспонсорскую (в разные периоды различные спонсоры в лице тех или иных арабских режимов), а значит деструктивную деятельность.

AD_3-33.pdf (дата обращения: 08.10.2013).

¹² Премьер-министра И. Рабина в 1995 г. застрелил якобы террорист-одиночка. Даже если это преступление было совершено не агентами ШАБАКа (общей службы безопасности Израиля или израильской контрразведки, призванной защищать еврейское государство от терроризма, шпионажа, саботажа, подрывной деятельности и обеспечивать безопасность жизненно важных объектов в Израиле, израильских посольств за рубежом, а также охранять высших лиц государства), то, как минимум, странно предполагать, что ШАБАК не имел информации о готовящемся убийстве. Я. Арафат, блокированный израильянами в своей резиденции и лишенный квалифицированной медицинской помощи, облегчил задачу сплочения разобщенного израильского общества своей «естественной» смертью. Мучительный конец жизни А. Шарона, который насильственным образом и в одностороннем порядке вывел израильские поселения из Сектора Газы, также стал следствием проведения в отношении него обряда «пульса денура», по крайней мере так утверждают правые экстремисты (см.: Каббалисты прокляли Шарона. URL: <http://www.isra.com/news/53486> (дата обращения: 01.04.2016)).

Что еще, как не воинственное окружение и угроза собственного существования, освященная национальной еврейской идеей о безопасном национальном очаге, способно поддерживать градус патриотизма и национального единения столь разнородного и полного противоречий израильского общества?

По-прежнему звучат решительные заявления, в том числе и «из-за океана», о создании двух государств для двух народов, с признанием Израиля в границах 1967 г.¹³, и по-прежнему они контрастируют с принимаемыми решениями. В последний день 2014 г. СБ ООН не принял проект резолюции о сроках создания Палестинского государства и прекращения израильской оккупации. США в очередной раз (до этого, в 2011 г., было наложено вето на резолюцию, осуждающую строительство Израилем поселений на оккупированных территориях) воспользовались правом вето и проголосовали против¹⁴.

По поводу разрешения палестино-израильского противостояния строятся противоположные прогнозы. Ситуация обостряется в условиях монополизации США процесса урегулирования палестино-израильского конфликта и отстранения от дел ближневосточного «квартета» (ООН, ЕС, Россия и США).

Надеемся, что данная работа станет скромным вкладом в изучение процесса становления независимого государства Палестина.

¹³ Barack Obama's Middle East speech – Thursday 19 May 2011 // TheGuardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/middle-east-live/2011/may/19/barack-obama-middle-east-speech-live#block-24> (дата обращения: 11.02.2016); Text of Obama's Speech at U.N. // The Wall Street Journal. September 21, 2011. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2011/09/21/text-of-obamas-speech-at-u-n/> (дата обращения: 11.02.2016).

¹⁴ Проект резолюции отводил 12 месяцев на всеобъемлющее урегулирование палестино-израильского конфликта, которое предусматривало создание «суверенного и жизнеспособного» Государства Палестина. Предусматривался вывод всех израильских войск с палестинских территорий до конца 2017 г. под контролем «третьей стороны», выступающей в качестве гаранта суверенитета Палестины; «полное прекращение всей израильской поселенческой деятельности на палестинской территории, оккупированной с 1967 г., в том числе в Восточном Иерусалиме» (см.: СБ ООН не принял проект резолюции по Палестине. URL: <http://tass.ru/mezhhdunarodnaya-panorama/1681299> (дата обращения: 12.02.2016).

Глава 1

«Несостоявшиеся» в политической реальности государства

Многие государства третьего мира специалисты относят к категории «слабых», «падающих», «гибнущих», «хрупких», «несостоявшихся», «рухнувших» или «переживающих распад», «государств-неудачников», «поврежденных», «редуцированных», неспособных к самостоятельному развитию и угрожающих международной стабильности, законности и безопасности. Корректно ли относить все эти определения исключительно к государствам третьего мира в свете политических процессов, скажем, в Европе? При этом все они суть одного и того же явления – отсутствия монополии у центрального правительства на применение силы внутри страны; неспособности правительства урегулировать конфликты на периферии; слабости правовых институтов; провальной социальной политики; недееспособности на международной арене в качестве полноправного субъекта международной политики; угрозы распространения оружия массового уничтожения, эпидемий, анархии от одного «неудавшегося» государства к «неустойчивым» соседям с образованием целого «провального региона»; роста незаконного оборота наркотиков.

Отдельно выделим непризнанные государства, представляющие собой образования со всеми признаками государственности, однако не обладающие международной правосубъектностью. К непризнанным государствам относятся: территории, не признанные другими государствами (в основном членами ООН) в качестве независимых; «самопровозглашенные государства/республики» (что более является эмоциональным и популистским определением); территории с неопределенным статусом и зависимые территории. В данном случае речь идет уже не о государствах в полном смысле слова, а скорее о странах. Взаимодействие непризнанных государств с сопредельными территориями, национальными государствами, наднациональными структурами международного сообщества, международными организациями, несостоявшимися государственными образованиями возможно благодаря глобализации и определяет их относительно длительное существование на международной арене.

Проблема заключается в том, что возможность появления новых непризнанных государств исходит из противоречия между такими ключевыми принципами международного права, как принцип самоопределения и принцип территориальной целостности. Создание и существование непризнанных государств также свидетельствует о неэффективности региональных и международных институтов по урегулированию конфликтов.

В современном мире тенденции к региональной и мировой интеграции сосуществуют с трендами сепаратизма и ирредентизма. Все это – предмет для неоинституционального анализа. Институционализм можно использовать и для исследования ресурса сопредельных территорий для непризнанных государств, поскольку действия людей во многом определяются существующими институтами национального масштаба¹⁵.

Непризнанные государства являются определенной переходной стадией государственности, возникающей в процессе сепаратизма или ирредентизма различных территорий, распада государств. Непризнанные государства могут стать полноценными независимыми государствами (Эритрея), могут быть поглощены метрополией после определенного периода независимости (например, Ичкерия, Аджария), а могут надолго сохранять свой переходный статус (например, Турецкая Республика Северного Кипра с 1983 г.).

¹⁵ *Большаков А. Г.* Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов // ПОЛИТЭКС. URL: <http://www.politex.info/content/view/413/> (дата обращения: 29.01.2016).

Часть непризнанных государств прекращает свое существование по нескольким причинам. Одни добиваются признания (посткоммунистические государства), другие, лишившись поддержки, уходят в анналы истории¹⁶.

За последний год к странам, не входящим в ООН, не признанным ни одним государством – членом ООН, но признанным некоторыми «частично признанными государствами», добавились Донецкая и Луганская Народные Республики.

К непризнанным государствам, по факту контролирующим большую часть своей территории, можно отнести образования на территории Сомали, Тамил Илам (до 2009 г.), Исламское Государство Вазиристан, независимость которого была провозглашена в феврале 2006 г. боевиками- пуштунами (сторонниками Талибана) на территории северо-западного Пакистана, Государство Шан и Государство Ва (Мьянма).

Новую главу в истории не только международных террористических организаций, но и всего современного миропорядка начало так называемое Исламское государство, возникшее в результате свержения США в 2003 г. иракского лидера Саддама Хусейна. Это квазигосударство с шариатской формой правления, с переменным успехом контролирующее территорию «суннитского треугольника» в Ираке и на северо-востоке Сирии, по праву открыло новый список государств – «международно признанных запрещенных».

Принимая во внимание, что ООН с юридической точки зрения не обладает полномочиями признавать то или иное государство или правительство (по логике – и запрещать), так как данные вопросы относятся к прерогативе независимых государств и их правительств, нахождение в составе ООН не имеет значения для того, чтобы считать государство признанным на уровне этой организации. Наличие статуса государства – наблюдателя в ООН и право участвовать в организациях под эгидой ООН уже является фактическим признанием политического суверенитета государства. Таким статусом в свое время обладала Швейцария, а сейчас им довольствуется Государство Палестина и Ватикан.

Израиль относится к государству – члену ООН, признанному не всеми государствами, входящими в состав этой организации. Так, Израиль не признает большинство арабских и мусульманских государств, за исключением Египта, Иордании и Турции (с некоторыми государствами дипотношения приостановлены).

На политической карте мира имеются территории с особым статусом, оговоренным в международных соглашениях; независимые территории, имеющие постоянное население; заморские территории, являющиеся неотъемлемой частью отдельных государств, но периодически относящиеся к категории отдельных владений; зависимые территории без постоянного населения.

Факт наличия или отсутствия международного признания не является барометром фактического политического суверенитета того или иного государства, точно так же как оно не определяет степень его стабильности или неустойчивости.

Американское агентство по международному развитию в 2005 г. выпустило «Стратегию в отношении “слабых” государств» с подробной их классификацией по степени нестабильности:

● «кризисные государства» – понятие, близкое к «неудавшимся государствам» (Судан, Сальвадор, Афганистан и Сьерра-Леоне);

● «уязвимые государства» – понятие, близкое к «слабым государствам» (Индонезия, Македония, Сербия)¹⁷.

¹⁶ Республика Герцег-Босна, упраздненная перед подписанием Дейтонских соглашений при попустительстве хорватского руководства. Самопровозглашенная Республика Биафра, созданная сепаратистскими силами Нигерии в мае 1967 г., смогла просуществовать три года, в течение которых в стране шла гражданская война. Военное поражение мятежников ознаменовало крах непризнанного государства.

¹⁷ USAID Fragile States Strategy. January 2005. URL: http://www.usaid.gov/policy/2005_fragile_states_strategy.pdf (дата обращения: 17.01.2016).

В настоящее время американские политологи склонны считать все эти «слабые», «гибнущие», «неудавшиеся» и т. п. государства устойчивым кластером международной системы. Они относят их к системообразующему элементу современной организации мира.

Как бы там ни было, особенно активно проблема «слабых» государств стала муссироваться американскими экспертами от внешней политики с начала 1990-х гг. Поводов было предостаточно – распад СССР и тектонические сдвиги в системе международных отношений, повлекшие за собой деструктивные процессы во многих странах «третьего мира», которые в одночасье лишились устоявшейся системы союзнической взаимопомощи. Именно эти «жертвы» падения биполярной системы составили костяк «хрупких» государств в связи с потерей ими способности защищать свой суверенитет и определять политический процесс в пределах своих границ силами легитимных правящих элит.

И если вооруженные конфликты в XX в. велись так или иначе между крупными державами и их сателлитами, учитывавшими ядерный фактор, то современные вооруженные конфликты – это уже локальные, гражданские войны. Участниками таких конфликтов зачастую являются полувоенные образования, практикующие геноцид местного населения, террористические атаки и прочие формы истребления мирных жителей. Отличительной чертой современных войн является то, что применение международного права сведено на нет. И если на протяжении предыдущей мировой истории государства погибали в результате войн и внешних нападений, то в современной мировой системе правительство, а вслед за ним постепенно и само государство пополняет ряды «рухнувших» с помощью манипулирования извне внутренними противоречиями, в той или иной мере присутствующими в каждом государстве без исключения.

Во время президентства Билла Клинтона (1993–2001) доктрина «распространения демократии» была официально принята в качестве руководства к действию¹⁸. В этот же период американское экспертное сообщество начинает «предупреждать» о вызовах для международной безопасности со стороны «хрупких» государств. Угрозой являлось пособничество деятельности террористических группировок, незаконная торговля оружием или неспособность властей с ней бороться. Всячески подчеркивалось, что такие страны способствуют распространению политической нестабильности во всем регионе. География военных операций США свидетельствует о том, какие страны подразумевались: Сомали – 1993 г., Гаити – 1994 г., Босния – 1995 г., Сьерра-Леоне – 1998 г., Косово – 1999 г. и Восточный Тимор – 1999 г. Соответствует ли такая внешняя политика официально заявленным государственным интересам США – другой вопрос. Отдавая пальму первенства внутренним проблемам США по отношению к внешнеполитическим и учитывая неудачный опыт дорогостоящей операции США в Сомали, президент Джордж Буш-младший, казалось, оставил идею вмешательства в дела «неудавшихся» государств.

Но трагедия 11 сентября 2001 г. коренным образом изменила ситуацию. Последовавшие за этим интервенция в Афганистан в 2001 г. и война в Ираке в 2003 г. перевели «проблемные» государства в ранг приоритетных вопросов для США. Начиная с Роберта Каплана, который еще в 1994 г. поднял тему анархической угрозы со стороны «слабых» стран, стала превалировать логика спасения мира от разрушающего влияния «провальных» государств. Причем к последним относились все проблемные страны, в том числе и те, которые в условиях всемирной борьбы с международным терроризмом если и угрожали косвенно национальным интересам США, то с большой натяжкой. К признанным центрам пособничества терроризму (Йемену,

¹⁸ Белевцева С. Н. Трансформация теории «распространения демократии» «мозговыми центрами» США во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика Вып. № 13 (132), т. 23. 2012. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-teorii-rasprostraneniya-demokratii-mozgovymi-tsentrarni-ssha-vo-vtoroy-polovine-1980-h-pervoy-polovine-1990-h-godov#ixzz3y9gCcG5J> (дата обращения: 16.01.2016).

Колумбии, Мали, Судану и др.) со временем добавились и «потенциально опасные» страны. А Фрэнсис Фукуяма своим авторитетом лишь закрепил за ними определение «единственной и важнейшей проблемы мировой системы»¹⁹.

Как правило, появлению «неудавшихся» государств способствуют политические и экономические кризисы, длительные вооруженные противостояния, различного рода гуманитарные катастрофы. В результате возникают неподконтрольные центральным правительствам анклавов, которые используют в своих интересах международные террористические организации и криминальные картели – источники распространения наркотиков и преступных группировок.

Практика последних лет показывает, что террористические группировки способны не только пользоваться неконтролируемыми территориями «слабых» стран, но и создавать на них свои военные и политические структуры. В результате появляется террористическое «государство в государстве» по типу вотчины. В этой связи вспомним об «Исламском движении сопротивления» в Секторе Газы с 2007 г. Структуры, созданные на контролируемой ХАМАС территории, обладают устойчивым характером. Теоретически при определенных условиях они имеют все шансы на то, чтобы рано или поздно занять место «признанных» официальных институтов власти и за пределами «Хамаслэнды», причем при соблюдении демократических процедур. Ведь движение пришло к власти в январе 2006 г. в результате демократических выборов в Палестинский законодательный совет.

Само по себе наличие на планете слабых субъектов не означает, что от них исходят угрозы. Последние возникают только в случае использования пространства стран-неудачников террористами, криминальными группировками или экстремистскими организациями. Следовательно, в принципе не может существовать стандартного подхода ко всем таким странам.

Понижение степени угроз со стороны «неудавшихся» региональных субъектов возможно путем обеспечения слабым государствам «безопасности на переходный период», которая предусматривает подконтрольность страны международным силам вплоть до создания дееспособного местного самоуправления. Однако такое решение проблемы по праву рассматривается специалистами как вид «неоимпериализма», поскольку мировые державы находят обоснование своему вмешательству в дела регионов и постколониальных независимых государств. Джеймс Фирон и Дэвид Лэйтин называют эту систему «новой опекой». Она подразумевает временную утрату «гибнущими» и «неудавшимися» странами своего суверенитета в пользу международных сил, восстанавливающих на их территории институты государственности. Это еще одна версия концепций «гуманитарной интервенции» и «смены режимов», осуществляемых с согласия международного сообщества или без него²⁰.

Комплексный подход к урегулированию ситуаций в слабых государствах включает в себя обеспечение безопасности (поддержание мира, урегулирование вооруженных конфликтов, реформирование армии и полиции); гуманитарные усилия (возвращение беженцев и перемещенных лиц, предотвращение всплеска инфекционных заболеваний);

модернизацию системы управления (восстановление институтов власти в центре и на местах); экономическую стабилизацию (введение твердой валюты, поддержание свободной торговли и бизнеса); демократизацию (обеспечение многопартийности, свободного волеизъявления, независимости СМИ); развитие внутренней инфраструктуры (системы транспорта, связи и энергообеспечения). Предполагается, что эти меры приведут к трансформации слабых, гибнущих и неудавшихся государств в дееспособные и стабильные страны²¹.

¹⁹ Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.

²⁰ Минаев М. Проблематика «слабых» государств в американской политике // Международные процессы. 2007. URL: <http://www.intertrends.ru/fourteen/008.htm> (дата обращения: 30.01.2016).

²¹ См.: Минаев М. Проблематика «слабых» государств в американской политике // Международные процессы. 2007. URL:

Стоит отметить, что в «незападном мире», в том числе и в России, не уделяют столь пристального внимания проблеме «несостоявшихся» государств и считают ее скорее надуманной и политически мотивированной. Более того, не выработано общепризнанного определения «несостоявшихся» государств. Прежде всего, под этим термином подразумевается отсутствие контроля центральных властей над всей или частью территории страны, затем в расчет могут приниматься такие показатели, как наличие внутренних вооруженных конфликтов, детская смертность и пр.

Одновременно в разряд «несостоявшихся» государств нередко по тем или иным причинам попадают стабильные страны. В частности, это может произойти в результате мнения экспертов о недемократичности того или иного правящего режима или «неспособности» лидеров той или иной страны удовлетворить сущностные потребности своего населения. Американский Фонд мира ежегодно публикует в журнале «Форин Эффиэс» «индекс несостоявшихся государств». Этот индекс базируется на 12 политических, экономических и социальных критериях, основные из которых: политические, экономические, социальные и из области безопасности²². Так, в 2013 г. в списке из 178 государств Украина находилась посередине, обогнав по стабильности Россию, которая была помещена «экспертами» на 80-е место в связи с «большими проблемами с правами человека, аппаратом безопасности, сложными отношениями между разными социальными группами и легитимностью государства».

Еще одна «экспертная» комиссия по слабым государствам и национальным интересам США Центра глобального развития использует всего три количественных показателя – детской иммунизации, смертности в результате боестолкновений и избирательного права граждан²³. В других расширенных индексах количество оцениваемых параметров может превышать сотню. Некоторые критерии по меньшей мере неоднозначны. Так, «индекс государственной слабости развивающихся стран» Института Брукингса учитывает уровень демократизации государств, политических свобод населения, соответствие экономической системы рыночным стандартам.

Неспособность государства ответственно и в полной мере исполнять свои обязанности перед гражданами действительно говорит о его несовершенстве или «несостоятельности». Однако признаки «несостоятельности» и «хрупкости» государств можно обнаружить в любой, даже в весьма, казалось бы, стабильной развитой стране мира.

США могут быть признаны «недееспособным» государством. Разве война с террором не исказила конституцию США и гражданские свободы? Разве американское правительство и корпорации подотчетны народу, а сами Штаты разве не находятся в долговой яме?

Углубление в анализ проблемы не представляется возможным, но следует различать дееспособность государства и специфику его политического режима, экономической системы, социального устройства. С точки зрения международной безопасности «недееспособные» государственные образования опасны в первую очередь тем, что их правительства не контролируют значительную часть территории государства. Хотя с точки зрения «Исламского государства» угроза как раз исходит от установления жестокого централизованного контроля над захваченными территориями. Говоря об устранении угрозы «несостоятельных стран», мировому сообществу необходимо сделать акцент на установлении такого контроля с проведением последующего комплекса мероприятий, направленных на их укрепление и ликвидацию предпосылок возвращения данных территорий к состоянию безвластия, а не на разрушение «неудобных» режимов, что чаще происходит на практике. В то время как в отношении ИГ может быть только одно действие – уничтожение террористических групп. В любом случае проблема неконтролируемых территорий требует международного вмешательства, так как

<http://www.intertrends.ru/fourteen/008.htm> (дата обращения: 30.01.2016).

²² Fragile States Index 2014 // Foreign Affairs. URL: <http://foreignpolicy.com/fragile-states-2014/> (дата обращения: 17.01.2016).

²³ Center for Global Development. URL: <http://www.cgdev.org/search/report%20weak%20states> (дата обращения: 17.01.2016).

несет прямой вызов безопасности мирового сообщества, вопрос неэффективных или «нелиберальных режимов» возможно решать исключительно политико-дипломатическими методами. Попытки насильственного демонтажа таких режимов могут лишь усугубить обстановку, ведя к возникновению на их месте новых неконтролируемых территорий.

К сожалению, в настоящее время действенные механизмы решения проблемы не применяются. Очевидно, что существующие программы развития, донорской помощи и посткризисного восстановления не дают желаемых результатов. Количество несостоявшихся стран и неуправляемых территорий растет из года в год в результате конфликтов, природных катаклизмов, но чаще в результате как минимум недальновидной (и как максимум – запрограммированной на умышленное создание нестабильности) политики развитых государств, форсирующих демократические преобразования в не готовых к этому развивающихся странах.

Необходимо комплексное переосмысление проблемы, действенная реанимация институтов международного права, выработка на его основе превентивных мер для предотвращения появления новых нестабильных государств, а также пересмотр и адаптация к новым условиям старых методик работы с «несостоявшимися» странами²⁴.

²⁴ «Несостоявшиеся» государства – угроза международной безопасности // Право и управление. XXI век. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=СВАВ68DB-6E77-E77C-2F3C-AD51BBD52996> (дата обращения: 01.02.2016).

1.1. Государства западные: политическая мысль и практика

«Не может быть общей теории государства. Могут быть государственные структуры, сформированные в результате непредвиденных обстоятельств в процессе социального развития»²⁵. На пути рассмотрения генезиса того или иного государства встречается большое количество теорий и дефиниций, наблюдается отсутствие универсального определения или теории, которые могли бы послужить в качестве основы для построения обобщенной гипотезы. История формирования государства основана на различных теориях его происхождения в связи с отсутствием согласия в среде экспертов относительно того, чем же все-таки является государство. Мы не ставим задачи перечисления всех имеющихся теорий происхождения государств, отметим некоторые из характеристик государства.

Согласно одним авторам, государство как таковое возникло несколько тысячелетий назад, тогда как другие считают XIX в. начальным этапом государства в его современном формате.

Определенно влияние политических и социально-экономических изменений XIX в. не могло не повлиять на сферу политической мысли. Идеи К. Маркса и М. Вебера легли в основу большинства теорий государства в XX в.

Для Чарльза Тилли государство – это «организация, которая контролирует население, занимающее определенную территорию. Эта организация является государством, поскольку она отделена от других организаций, функционирующих на той же территории; автономна; централизована; ее подразделения формально координируют свои действия между собой»²⁶.

Государство создает структуры с различными интересами; находится в рамках социального пространства, на которое влияет и одновременно подвергается его воздействию; вовлечено в дела международного сообщества.

Неотъемлемость признаков современного государства подтверждается позициями международного права. Так, согласно ст. I Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств от 1933 г., государство как субъект международного права «должно обладать постоянным населением; определенной территорией; правительством и способностью вступать в отношения с другими государствами»²⁷.

Государство, в отличие от иных политических институтов, обладает особым классом управленцев, правом осуществления политики от имени суверена (народа), монопольным правом налогообложения и формирования национального бюджета. При этом большинство населения легитимизирует данную государственную власть, испытывая гордость от причастности к данной национальной общности.

Уровень развития государства определяется такими критериями, как дифференцированность, координация работы государственных структур, автономия и централизация. Государственный процесс нуждается в организованном взаимодействии исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, которые обособлены от экономических и социальных организаций в (западном) обществе. От этого взаимодействия зависит автономность государства, которая сама по себе является достаточно расплывчатой концепцией.

Чарльз Брайт и Сьюзан Гардинг полагают, что автономность государства заключается в его способности к саморегулированию, в том смысле что государство управляется в соответ-

²⁵ State Theory and State History / ed. by R. Torstendahl. London: Sage Publications, Inc., 1992. P. 12.

²⁶ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 328 с. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

²⁷ По большому счету образование под названием Силенд отвечает критериям государственности, указанным в этой Конвенции и является непризнанным государством.

ствии с им же принятыми законами и не подвержено влиянию как извне, так и изнутри²⁸. Й. Мигдаль акцентирует внимание на государственных деятелях, независимость которых в реализации своих интересов и определяет уровень автономности государства²⁹.

Степень автономности военных и административных институтов может быть определена только в условиях, специфичных для конкретных социально-политических систем и в рамках определенного набора исторических и международных обстоятельств. Т. Скочпол полагает, что эти институты составляют основу государственного могущества, поскольку ресурсы извлекаются для их функционирования, и они обладают возможностью быть автономными во взаимоотношениях с общественными группами внутри страны, а также с другими государствами³⁰.

С концепцией государственной автономности неразрывно связана концепция государственной централизации, под которой подразумевается способность принудить население к соблюдению моральных и юридических правил; это является нормативной базой для мощи государства. При этом реальное могущество государства заключается не в способности монополизировать средства принуждения, а в возможности проникнуть в общество и внедрить в нем непререкаемые юридические правила таким образом, чтобы они превалировали над этническими, клановыми, семейными или иными общественными нормами, установленными в обществе³¹.

Таким образом, организация, которая контролирует население на конкретной территории, формулирует обязательные для всех своих граждан правила и обладает монополией на насилие, называется государством. Это основополагающие предпосылки, которые принимаются как данность любого современного государства. Ученые расходятся лишь во взглядах на взаимоотношения между обществом и государством.

Некоторые специалисты предлагают несколько отличное (от марксистской и веберовской трактовки государства) видение этих взаимоотношений. В частности, финский историк Б. Страси шведский историк Р. Торстендаль³² проследили процесс формирования государства с раннекапиталистической стадии начала XIX в. до современного государства всеобщего благоденствия. В результате получилось сформировать всестороннюю картину, к тому же в динамике взаимоотношений между обществом и государством. Исследователи пришли к выводу, что форма государства не определяется интересами какой-либо социальной силы в обществе или той или иной государственной структуры, а скорее является результатом их взаимовлияния. Так что, с одной стороны, государство представляется автономным, но, с другой – подверженным влиянию общества.

К такому обоюдному влиянию общественных классов и властных структур некоторые аналитики добавляют соревнование между политиками и бюрократами, способными формулировать и отстаивать свои интересы наперекор своим оппонентам, как еще один фактор, определяющий форму государства. Весь этот соревновательный процесс одновременно позиционирует государство по отношению к другим социальным и экономическим институтам и перманентно его модифицирует. В данном случае не объясняется, каким образом на бюрокра-

²⁸ Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory/ eds Charles Bright, Susan Harding. Ann Arbor (MI): University of Michigan Press, 1984. URL: <http://www.jstor.org/stable/2780137> (дата обращения: 03.02.2016).

²⁹ Migdal J. S. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton University Press, 1988. P. 18–19.

³⁰ Скочпол Т. Государства и социальные революции. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/skocpol.htm> (дата обращения: 04.02.2016).

³¹ Mann M. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/mann.htm> (дата обращения: 01.02.2016).

³² Торстендаль Р. Концепция государства в современной западной историографии // Политическая история на пороге XXI века: Традиции и новации / отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 1995. С.61–73.

тов и политиков могли бы оказывать влияние различные социальные группы. Ответ мы находим в работах Йозефа Мигдаля³³.

Мигдаль рассматривает государство как организацию, не только сформированную из упомянутых бюрократов и политиков, но и из многих различных групп со своими интересами. Бюрократы и политики пребывают в постоянной борьбе с остальными социальными группами. В данный процесс вовлечены высокопоставленные лица, принимающие решения, законодатели, исполнительные органы, бюрократическая система и т. д.

Нововведение Мигдаля заключается в утверждении, что при этом различные части государства в соответствии со своими интересами по-разному реагируют на давления извне. Подобного рода соревновательный процесс формирует суммарную реакцию различных частей государства и социальных сил, которая определяет модель доминирования в обществе. От этой реакции зависит, способно ли государство полностью доминировать, установив полный контроль над обществом, и таким образом действовать последовательно (осуществляя централизацию), либо ни государство, ни иная социальная сила не в состоянии распространить свое абсолютное влияние в стране (а это означает процесс децентрализации и дезинтеграции).

Однако нас больше интересует не взаимоотношения между государством и обществом, а современное западное национальное государство.

Распад на наших глазах многонациональных государств, как СССР, Югославия, Чехословакия, и образование новых национальных государств в современном мире, насыщенном разнообразием наций, народов, национальных и даже террористических государств, приводит к необходимости снова задуматься над понятиями «нация» и «народ», «национальное государство» на фоне существующего дуалистического различия между западным (французским) политическим и восточным (немецким) культурным понятиями нации: государственная нация и культурная нация.

Первоначально определимся с понятиями «народ» (этнос) и «нация».

Этнос (или народ) – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенная единством языка, территории, хозяйственной жизни, культуры и обычаев, национальным самосознанием. При этом предполагается, что культурные и религиозные обычаи являются определяющими признаками, так как место проживания или язык не всегда общие.

Определенное же сообщество граждан, объединенное с помощью культуры, ментальности, общей истории и даже политического строя, а также отличающееся одними и теми же физическими и духовными качествами и находящееся на одной территории проживания или территории одного государства мы уже называем нацией.

Категория «народ» – вневременная, постоянная величина, в то время как «государство» – понятие относительное, четко привязанное ко времени и месту. Например, еврейский народ имеет за плечами тысячелетия, а государства, в которых он жил, которые он образовывал, существовали лишь на определенных исторических этапах. Даже если бы не было исторической возможности создать Иудею и Древний Израиль, все равно вряд ли евреи, рассеянные по всему миру, не считались бы народом до момента образования Израиля в 1948 г.³⁴

Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость разграничить досовременные народности с этнической национальной идентичностью и современные национальности, в которых, в отличие от первых, мы обнаруживаем юридическую, политическую и эконо-

³³ Migdal J. S.: 1) *State in Society: Studying How States & Societies Transform & Constitute One Another*. Cambridge University Press, 2001. 308 p.; 2) *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton University Press, 1988. 320 p.

³⁴ Хотя согласно договорной теории возникновения государства, люди, пребывающие в естественном состоянии, превращаются в народ лишь благодаря заключению «общественного договора» и делегирования определенных полномочий государству, так что в данном случае ни евреи (до 1948 г.), ни палестинцы по большому счету до сегодняшнего дня не вправе претендовать на гордое звание народ.

мическую идентичности³⁵. Эти элементы создают такие современные институты (парламенты, СМИ, образовательные учреждения и пр.), где и происходит оформление, сохранение, передача национальной идентичности и увязывание ее с какими-либо интересами.

Историческим фактом является то, что в Европе, не считая Андорру, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино и Ватикан, только 10 государств возникли вследствие преобразования из преднациональных государств в национальные государства. Только Франция расширилась, а Испания и Португалия остались неизменными по своей территории. Все другие существенно потеряли в территориях (Нидерланды, Соединенное Королевство, Швеция, Дания) или радикально уменьшились (Австрия, Турция, Россия) в результате отделения новых государств. В большинстве случаев в ходе реформаторской, редко революционной трансформации из абсолютистского княжеского государства в национальное государство невозможно установить определенную дату и отдельные фазы, как это возможно при объединении или отделении государств. Передача суверенитета от князя народу в названных десяти случаях часто проходило десятилетиями, в общей сложности более одного столетия, в период с 1789 по 1923 г., когда Турция окончательно образовалась как национальное государство.

На западе и севере Европы внутренняя трансформация была почти полностью завершена уже в 1866 г., но действительная национальная консолидация происходила только лишь после отделения наций, чувствовавших себя под чужим имперским господством (норвежцы, ирландцы, исландцы). Западные национальные государства еще долго после этого времени оставались центрами колониальных империй и лишь после Второй мировой войны действительно стали национальными государствами³⁶.

В XX столетии нации-государства начали рассматриваться как естественная и, возможно, идеальная форма организации государств. Но в большинстве современных государств, как и в государствах прошлого, корреляция между нацией и государством далеко не столь отчетлива.

Тем не менее нация – это политическая ипостась народа, и трудно представить государство без нации. В основе нации лежит лояльность людей по отношению к своему государству и связанному с данным государством обществу. Национальный дух (по Гегелю) объединяет нацию с государством и определяет национальную идентичность людей. Национальное соответственно – свойственное, присущее данной нации. Нередко такие понятия, как «национальное» и «националистическое», отождествляются.

Национальность, помимо принадлежности к этнической общности людей (народу), выступает в качестве определения государственной принадлежности индивида. В то время как под национальным меньшинством понимается группа людей, территориально оторванных от основных ареалов расселения своих народов (например, турки в Германии), либо народы, которые вообще не имеют своей государственности или автономии (курды в Турции, Ираке и Иране, баски в Испании и во Франции).

Самоутверждение национальности может принимать формы национализма, т. е. замкнутости, исключительности, вражды к другим национальностям. Это есть болезнь национальности, она раскрывается особенно в наше время³⁷. Авторитетный современный исследователь национализма Э. Хобсбаум рассматривал внешнюю угрозу как фактор становления идеологии национализма³⁸.

³⁵ Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 235–264; Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили [и др.]. М.: Праксис, 2004.

³⁶ Можно констатировать, что за единичными исключениями колониальная имперская государственность прекратила свое существование лишь в 1974 г., когда независимость получили такие африканские страны, как Ангола и Мозамбик.

³⁷ Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 137.

³⁸ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002.

В реальной жизни национальное самосознание способно трансформироваться в такой негативный феномен, как этноцентризм – взгляд, «при котором собственная группа человека является центром всего, и все другие шкалируются и оцениваются референтно к ней»³⁹. Умеренные формы национализма именуется патриотизмом, который, в свою очередь, бытует в виде «хорошего» патриотизма и «злобного» национализма. Тем не менее Э. Хобсбаум считает, что национализм – это в первую очередь ксенофобия⁴⁰.

Полноценный национализм как идеология, соединяющая воедино два противоречивых понятия нации (объединение граждан и культурное сообщество), не может опираться исключительно на лозунги, одновременно не предлагая программ социальных преобразований, призванных обеспечить поддержку различных слоев общества⁴¹. Без модернизационных процессов в государстве трудно возникнуть сильным националистическим движениям, а национализм рискует остаться лишь риторикой. Как бы там ни было, в основе национализма лежат идеи, которые выполняют важные для нации функции координации, мобилизации и легитимации⁴².

Правом политического господства любой народ наделяется посредством гражданства, которое связывает государство и индивида. Причем стать гражданином возможно благодаря принадлежности к тому или иному сообществу по национальному признаку («по крови», по факту рождения) или благодаря легальному проживанию на данной государственной территории.

Следовательно, заполучить определенный гражданский статус возможно традиционным (наследственным) и эгалитарным (достижительным) путем. В любом случае гражданин современного государства (Западного, по крайней мере, до сегодняшнего момента, но никак не Израиля) не будет связан с государством своей этнической принадлежностью, а его патриотизм будет базироваться на гражданстве. Статус гражданина должен постоянно подтверждаться посредством общественной демонстрации лояльности: участием в выборах, воинской повинностью и др. Государство более не выступает в роли инструмента власти-насилия, а становится правовым (опять-таки с известными оговорками). В то время как религиозная легитимация государства если и применима, то в единичных случаях, эта теория правового государства имеет шансы стать единственно возможной и оправданной. Однако, по меткому замечанию французского эксперта салазаризма Жака Жоржеля, «хотя право иногда успешно сопротивляется и даже одерживает верх над политикой, ему всегда в итоге достается роль вечного побежденного», ибо «политические императивы обычно оказываются более могущественными, чем юридические соображения»⁴³.

Как бы там ни было, демократия исходит из «народа» как данности, но не привносится извне, точно так же и национализм «исходит из «нации» как данности. Политическая составляющая национализма возводит этот феномен над принципом этнической принадлежности. Национализм облачается в форму определенной политической доктрины. Этническая же принадлежность не содержит программных установок и еще в меньшей степени является политическим явлением. Поэтому современным полиэтничным социумам следует быть начеку по

³⁹ Термин «этноцентризм» ввел в науку американский социолог У. Д. Самнер (цит. по: *Тощенко Ж. Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003. С. 172).

⁴⁰ *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. С. 345.

⁴¹ *Геллиер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.

⁴² *Бройн Дж.* Подходы к исследованию национализма // *Нации и национализм* / пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 201–236.

⁴³ *Georgel J.* Le salazarisme. Paris, 1981 (цит. по: Политология. Учебник для вузов / под ред. проф. В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. СПб.: Питер, 2005. 560 с.).

поводу возможного придания принципу этнической принадлежности политического содержания и его перерождения в национализм.

Пример развития стран Запада как по либеральному (США), так и по авторитарному (Франция, Германия, Италия) пути показал переход к своего рода классическому национализму, заключающемуся в синтезе нации на основе всего народа, проживающего не только в унитарных, но и в федеративных государствах.

Федеративное государство состоит из нескольких государств в одном государстве. Если эти государства в составе другого государства представляют собой национальные государства, как, например, в Бельгии или в Советском Союзе, то в соответствии с этим могут существовать нации в другой нации, т. е. в федеративной нации. Или же, наоборот, одна нация может состоять из субнаций. Можно одновременно иметь национальное сознание испанца и каталонца, бельгийца и фламандца, россиянина и тувинца. В силу того что некоторые нации находятся внутри других наций, может сформироваться ступенчатое национальное сознание. Предполагается, что у многих европейцев уже имеется европейское национальное сознание, это значит, что они как граждане ЕС желают более крепкого Евросоюза или даже европейского федеративного государства. Однако европейское (национальное) движение еще довольно слабое. Кризис с беженцами, поразивший Европу в 2015 г., продемонстрировал не такой уж и глубокий характер «европейской солидарности» и обострил у граждан ЕС осознание своей национальности.

В Европе новые национальные государства возникли в конце XX столетия. С одной стороны, произошло национальное объединение обеих Германий (вопреки принципам международного права), с другой – национально мотивированный раскол таких государств, как СССР, Чехословакия и Югославия. Национализация Восточной коммунистической Европы была обусловлена процессами либерализации и демократизации, что привело к появлению более 20 независимых государств. Государственное советское, югославское или чехословацкое национальное самосознание, как и «социалистическое немецкое» в бывшей ГДР, оказалось намного слабее этнического национального сознания, опирающегося на общий язык, происхождение, религию. Это сознание раскололо населения государств по этнонациональной линии, изменило границы и внутривнутриполитический процесс, в том числе благодаря появлению этнонациональных партий. Вспышка национализма с середины 1980-х гг. не затронула государственно-территориальную целостность в национальных государствах Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, но способствовала разрушению коммунистической системы межгосударственных отношений.

Таким образом, между демократией и национализмом проявилась взаимосвязь, по аналогии той, что просматривается между демократией и исламом. Хотя это, конечно же, не означает того, что национализм без демократии не возможен (точно так же, как и исламизм без демократических процедур), поскольку суверенитет народа может быть выражен и в виде недемократического господства, поддерживаемого народным большинством.

Вообще, национализм с позиций либеральных деятелей выступает в качестве второстепенного фактора современности, который допустим до тех пор, пока он не начинает препятствовать глобальным интеграционным процессам. Одновременно националистов вполне устраивают основные тенденции современного мира: глобальное неравенство (для них это лишь очередное подтверждение неравенства рас), секуляризация (как либерализм, так и национализм предполагают вторичность религии по отношению к собственно либеральным ценностям или нации), неприкосновенность личности и частной собственности, рыночная экономическая система. Более того, у национализма и либерализма три общих противника: племенное сознание, клерикализм и коммунизм. Странники обоих идеологических направлений разделяют прогрессистские взгляды на историческое развитие.

Помимо появления новых государств, наблюдалось изменение функций существующих национальных европейских государств на международной арене на фоне социально-эконо-

мической глобализации и делегирования наднациональным институтам Европейского союза важных компетенций, вытекающих из их государственного суверенитета. Несмотря на то что сегодня все более отчетливо вырисовываются контуры интеграционного процесса в СНГ, последние политические события в Европе лишней раз убеждают нас в том, что национальное государство и в XXI в. сохранит за собой функцию обеспечения этническо-культурного своеобразия. Наметившаяся было тенденция полной передачи международным организациям функций внешней безопасности и экономического развития на современном этапе как минимум начнет пробуксовывать. Как бы там ни было, глобализация, интернационализация и европеизация, с одной стороны, и национализация – с другой, уже проявили себя в качестве совместимых в историческом смысле противоположных тенденций развития. Национализм так и не был искоренен, а его разрушительный или созидательный потенциал оказался вполне управляемым.

Национализм и национальные движения, как правило, рассматриваются в рамках независимого суверенного государства, что фактически представляет собой один из этапов государственности. Национал-сепаратистские движения окраин уже раскололи последние континентальные империи современности – СССР и Югославию, а в единой Европе все явственнее слышатся голоса басков, каталонцев, шотландцев, фламандцев, выступающих под лозунгами политического самоопределения.

Наконец, прогрессивная Европа почти единогласно признает Косово – проект албанских сепаратистов, активно поддержанных США⁴⁴.

На современном этапе в мире насчитывается более 2000 суверенных наций⁴⁵ и народностей, но собственной государственностью, т. е. территориальной и политической организацией, обладают всего лишь 193 государства – члена ООН. Именно по отношению к ним может идти речь о независимости.

Политическая самостоятельность, отсутствие подчиненности, а именно: неприкосновенность территории, нерушимость границ, невмешательство во внутренние дела, равноправие во внешних сношениях, право на обороноспособность – вот критерии независимости. Много ли современных нам западных государств довольствуются фактической независимостью?

В свою очередь, такое понятие, как суверенитет, означает неделимое и неотделимое верховенство права каждой нации самостоятельно без внешнего вмешательства организовывать свою внутреннюю и международную жизнь. Суверенитет государства определяется наличием абсолютно полноценного и полновластного политического института. Это одно из важнейших международных прав, закрепленное в Уставе ООН и других международных актах. При этом следует различать национальный и государственный суверенитеты. И если последний подразумевает верховенство прав государства, то согласно первому нация-государство⁴⁶ является источником высшей политической власти, осуществляемой в полной мере в пределах собственной территории без внешнего воздействия. На международной арене национальный суверенитет предполагает самостоятельную внешнюю политику государства и уважение такого же права других⁴⁷. Суверенитет нации является первоосновой, а государственный суверенитет – одной из форм реализации суверенитета нации, живущей в данном государстве.

⁴⁴ *Сотниченко А. А.* Против течения: национализм в современном мире // Нева. № 2. 2009. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/2/so10.html> (дата обращения: 18.01.2016).

⁴⁵ Алфавитные перечни национальностей и языков для кодирования ответов на вопросы 7 и 9 форм К и Д и вопроса 6 формы В переписных листов Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2002. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nacional.html (дата обращения: 26.02.2016).

⁴⁶ Категории политической науки: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО(У) МИД РФ; РОССПЭН, 2002. С. 39.

⁴⁷ См.: Категории политической науки: учебник для студентов вузов. С. 271.

На сегодняшний день некоторые суверенные народы не обладают государственным суверенитетом (курды, палестинцы, баски, каталонцы и т. п.). Однако палестинцы и курды очень близки к своей заветной цели: при наличии национального суверенитета приобретение государственного суверенитета – лишь следующий шаг.

В то же самое время обладатели национального и государственного суверенитета в результате экономической деятельности некоторых мегакорпораций постепенно передают его в руки этих корпораций. Ни о какой самостоятельности уже не может идти речь, если государство имеет долг, превышающий его годовой доход. Как раз сегодня таких государств больше, чем тех, у которых суверенный долг значительно меньше ВВП.

Очевидно, что национальное государство в XXI в. не в состоянии выполнять тех функций, которые оно выполняло в XIX и в первой половине XX в. Возникает риторический вопрос: стоит ли тогда народам, имеющим сегодня непризнанные государства, особенно переживать по этому поводу?

Можем ли мы утверждать, что национальным суверенитетом обладает такое «европейское» и притом общепризнанное государство, как Украина? Является ли это государство «несостоявшимся»? Очевидно, что отрицательный ответ на первый вопрос и утвердительный на второй заставляют задуматься как минимум над изменением критериев международно-правовой практики признания государств. Особенно в свете того, что самопровозглашенные Донецкая и Луганская республики заявили 12 мая 2014 г. о независимости от Украины. Сама политическая реальность подбрасывает больше вопросов, чем ответов.

Если в случае с корпорациями возможно допустить, что потеря суверенитета происходит вынужденно или «неосознанно» со стороны элит, то современное признанное государство всегда осознанно ограничивает свою независимость посредством членства в тех или иных международных организациях, сообществах и блоках, подписания и ратификации международных договоров, Пактов, Конвенций и соглашений, как на двусторонней, так и на многосторонней основе. В конце концов, независимость одного государства ограничена независимостью другого, ограничена территориальными границами (рубежами) страны, в то время как народ и его представители суверенны всегда, даже находясь за рубежом⁴⁸.

Вообще, на протяжении всего XX в. количество стран, не присоединившихся к тем или иным союзам и обладавших статусом всемирно признанных, суверенных государств неумолимо сокращалось. Так, в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке наряду с флагами 193 стран – членов организации подняты государственные флаги наблюдателей ООН – Палестины и Ватикана. Таким образом, суверенитет всех объединенных международной организацией государств был ограничен путем их отказа от права наступательной войны и передачи ответственности за международное обеспечение мира Совету Безопасности ООН.

⁴⁸ *Афанасьев П. В.* О соотношении понятий суверенитет и независимость. 2014. URL: <http://www.proza.ru/2014/02/05/1263> (дата обращения: 25.12.2015).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.